

страницы воспоминаний

ЭТО БЫЛО в сентябре 1959 года. Чтобы пополнить редакционный портфель, Твардовский решил обзвонить ряд писателей, особенно ему интересных и близких. И кто-то, сейчас уже не помню кто, сказал:

— Александр Трифонович, позвоните Анне Андреевне Ахматовой, она сейчас в Москве...

Твардовский встретил это предложение с некоторым изумлением:

— Ахматовой? Неожиданная мысль... — Но тут же загорелся: — А впрочем, почему бы и не позвонить? А? Это идея. А ну-ка, дайте-ка ее телефон, если знаете...

Миллион раз я слышал, как Твардовский разговаривает по телефону: спокойно, уважительно, деловито, ласково, заливаясь смехом, пренебрежительно, холодно, гневно, рассерженно, грозно, бросая трубку и прерывая тем самым всякий разговор... Во всех состояниях я видел Твардовского у телефонного аппарата. Но настолько, внезапно посерьезневшего, чуть ли не оробевшего, лишь только стал набирать номер, я его не видел.

— Анна Андреевна?.. — спросил он, но телефонную трубку, видимо, взяла другая женщина, потому что Твардовский замолчал. И через несколько секунд напряженного ожидания уже подошла она. — Здравствуйте, Анна Андреевна, с вами говорит Твардовский...

В голосе Твардовского были какие-то не слышанные мной раньше сверхпочтительные интонации. И напряжение — не обронить бы не то слово, — и безусловное уважение.

Когда разговор закончился, Твардовский, откинувшись на спинку кресла, словно исполнил важное, серьезное дело (а оно и было — важное и серьезное), сказал:

— Обещала дать цикл стихотворений...

И видно было, что доволен разговором несказанно. Тут-то я и услышал, и надо сказать, с удивлением, что это был вообще первый разговор Твардовского с Ахматовой. Первый в жизни...

Странные вещи все же происходят на свете: живут два больших поэта, десятилетиями заочно знают друг друга и за десятилетия — первый разговор, и тот по телефону. При этом я еще во время разговора почувствовал: Твардовский не очень уверен, что Анна Андреевна знает, с кем разговаривает. Тогда он представился: «Твардовский, редактор «Нового мира», — как бы предъявив на всякий случай визитную карточку.

— «Ну, боже мой, вы мне это сообщаете», — царственно ответила она, — засмеялся Твардовский, пересказывая телефонный разговор.

Может быть, эта царственность, а вместе с ней и кажущаяся недоступность величия, которые издавна связывались с именем Анны Ахматовой, и мешали Твардовскому раньше позвонить ей, познакомиться? Может, Твардовский чувствовал, что они слишком разные поэты?

Должно быть, это так: чувствовал и знал, но и отлично понимал истинный вес и значение Ахматовой. Поэтов (даже очень далеких ему), настоящих поэтов он всегда отличал, превосходно знал их и готов был решительно защищать, если требовалось, находя убедительные слова, — значит, претолкнул знал им настоящую цену.

Тогда, после телефонного разговора, он рассказал:

— Об Ахматовой я узнал впервые еще мальчишкой, лет тридцать назад из антологии Ежова и Шамурина. Очень

нелюбая была книга¹, я ее от корки до корки прочитал, и, помню, представление об Ахматовой было у меня как о покойнице, такое же, как о Блоке, Брюсове... В хрестоматии были и Демьян Бедный, и Маяковский, и многие другие, которых я знал как живущих, действующих поэтов: они появлялись в газетах, журналах. Ахматова для меня была поэтом минувшим, предреволюционным, и только потом я узнал, что она жива и пишет. Перед войной вышел ее сборник «Из шести книг», и по нему я уже узнал ее более полно. А во время войны Тарасенков показал мне как-то ее стихи военной поры, и я еще подивился крепости стиха. И все же, когда, позвонив, я услышал голосок слабый, старушечий, то, конечно, подумал — это она! Но это была не она. Ахматова заговорила со мной сразу сильно, уверенно, невольно подумаешь: царственно.

Твардовский покачал головой:

Алексей КОНДРАТОВИЧ

А. А. АХМАТОВА.

— А я еще тридцать лет назад считал ее всю в прошлом. О, боже!..

Как выяснилось тут же, договоренность о стихах была все же условной: Ахматова обещала подумать.

— Мне даже показалось, что она вначале не очень понимала, зачем мне ее стихи. Поэтому я и напомнил ей, что являюсь редактором журнала, — объяснил Твардовский. — Обещала подумать. Может быть, вообще не привыкла или давно отвыкла от подобных звонков и просьб. Особая судьба! И, знаете, мне нравится, что не согласилась с быстрой готовностью: в этом есть достоинство. Но думаю, что стихи она нам даст. Надо только через некоторое время напомнить ей о сегодняшнем разговоре.

Разговор, повторяю, происходил в сентябре. Анна Андреевна несколько раз напоминали о ее обещании, она твердо повторяла: дам, но, по-видимому, все подбирала, что дать, и каждый раз откладывала окончательное решение. И только в ноябре мы получили от нее стихи.

Твардовского больше всего тронуло, что это были последние, только что написанные стихотворения. Под первым «Подумаешь, тоже работа...» значилось: «1959 г. Комарово. Лето». Другое — «Не стражди меня грозной судьбой...» — совсем свежее: «1959 г., октябрь. Ярославское шоссе».

¹ Это и в самом деле интересная антология: Ежов И. С. и Шамурин Е. И. «Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней». Вводная статья Валерьяна Полянского. «Новая Москва». 1925. 671 стр. В книге представлено 128 поэтов, и при этом довольно полно. Ахматова, например, 32 стихотворениями.

«Летний сад (Из цикла «Белые ночи»)» — «1959 г., июль. Ленинград». «Отрывок» — того же года, и лишь под «Воспоминанием» стояла дата: «1956 г., 18 августа. Старки». — Не назвать ли эту подборку именно так — «Новые стихи»? — спросил Твардовский. — Телефон у Анны Андреевны прежний? Дайте ей мой позвоню.

И он позвонил. И был, судя по всему, взаимно приятнейший разговор. Твардовский благодарил за стихи, говорил, что поставит их в самый ближайший номер (так оно и было — стихи появились в № 1 за 1960 год). Тут же они договорились о и о названии — «Новые стихи».

С тех пор Твардовский нет-нет, а напоминал сотрудникам журнала об Ахматовой: не написала ли она новое, нет ли у нее чего-нибудь и из старого. «Нам надо напоминать ей о себе, о том, что мы интересуемся ею», — говорил он. Когда составлялся очередной проспект произведений и ав-

матовой не у себя на родине, а за границей — вот уж один из парадоксов их судьбы! — на вручении Ахматовой в сицилийском городе Катания литературной премии «Этна-Тарормина». Твардовский ездил в Италию на заседании руководящего совета Европейского сообщества писателей, вице-президентом которого он являлся. Но знал, что Ахматовой уже присуждена итальянская литературная награда, и перед отъездом говорил: «Наверное, я буду и на вручении премии».

Он не только был на вручении премии в замке Урсино, но и выступил на торжественной церемонии с речью. За редким исключением, Твардовский всегда выступал без «бумажек», и потому эта речь его сохранилась лишь небольшой своей частью, опубликованной в информационной заметке в «Литературной газете» от 17 декабря 1964 года.

«Первое, что можно сказать о поэзии Ахматовой, — говорил Твардовский, — это под-

— А перед подборкой стихов Ахматовой у нас есть что-нибудь о вручении ей премии?

В первом номере за 1965 год шла подборка стихов Ахматовой разных лет — каким образом эта подборка организовалась, я не могу сказать. Вполне возможно, что как раз в связи с присуждением премии и решили «выпросить» у Анны Андреевны еслч не новые стихи, так из архива, из ненапечатанного, — у нее такие стихи всегда были. Ничего о вручении премии в уже сверстанном номере журнала не было.

— Ну как же так, ведь в жизни Ахматовой это событие немалое, и событие уже состоявшееся, а мы его словно бы и не заметили. Нельзя... — сказал Твардовский.

Кто-то заикнулся, что уже поздно, номер почти готов.

— Даже если бы номер был подписан — все равно было бы не поздно, — сказал Твардовский.

Анна Андреевна Ахматова умерла 5 марта 1966 года. Я

БЕГ ВРЕМЕНИ

ТВАРДОВСКИЙ и АХМАТОВА

торов журнала на будущий год, Твардовский собственноручно включил Ахматову в список поэтов — авторов журнала.

Но Ахматова — и это всем известно — писала стихи с такой взыскательностью к себе, что грудь ее превращалась в истинное подвижничество, в святое служение слову, поэзии. Иногда представляется, что она выращивала стихи, как жемчужница жемчуг — годами, да так в ряде случаев и было. Потому публикация ее стихов была каждый раз редкостью. Только через четыре года — и тоже в первом, январском номере журнала за 1963 год — появился новый цикл поэтессы. И тоже из новых стихов.

Твардовскому очень нравился весь цикл и особенно стихотворение «Родная земля».

Твардовский говорил:

— Как прекрасно и целомудренно ее отношение к родной земле, которая и обычная земля, по ней мы ходим, — и больше, чем земля, почва. И эпитафия из себя же нашла очень точный и все объясняющий: «И в мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас». Как ее только не называли! Эстетствующая — было одним из наиболее мягких ругательств, а эта «эстетствующая» пишет о земле, как могла бы о ней крестьянская баба написать: «Но ложимся в нее и становимся ею, оттого и зовем так свободно — своею». Вот так вот...

К семидесятипятилетию Ахматовой в № 6 за 1964 год появились ее стихи «Из трагедии «Пролог, или сон во сне». Стихи 1963 года — тоже одни из новых, последних.

Не могу точно сказать, встречался ли до этого Александр Трифонович с Анной Андреевной. Думаю, что нет. А почему нет — все тот же, в сущности, безответный вопрос. Ну, в самом деле, почему большие поэты, даже когда у одного из поэтов давний, не просто редакторский интерес к стихам другого поэта, идут как бы параллельными курсами и порой голько случай или стечение обстоятельств может сблизить эти курсы? Интерес же у Твардовского к поэзии Ахматовой был и в самом деле давний — свою статью о ней «Достоинство таланта» он начал словами: «Имя Анны Ахматовой — одно из немногих имен русской поэзии XX века, отмеченных в десятилетиях неизменной популярностью читателей...».

Полагаю, что в первый раз Твардовский встретился с Ах-

минность лирического изъяснения, невыдуманность чувств и незаимствованность мыслей. Поэзия Ахматовой — образец высокого мастерства. Она — на уровне высших достижений культуры русского стиха и, следуя классической, главным образом пушкинской традиции, обладает чертами несомненной самобытности. Ее поэзия немногословна, экономна в средствах и по видимости как бы только традиционна».

Жаль, что больше ничего не было приведено, но что приведено — приведено, по-видимому, довольно точно.

Там же, в Катании, Александр Трифонович, должно быть, и познакомился с Анной Андреевной. Вернувшись из Италии, Твардовский рассказывал:

— Вечером я решил зайти в номер гостиницы, чтобы лично поздравить Ахматову с премией. Она приняла меня так, словно мы были уже давно знакомы. Но я все же с некоторой опаской — женщина немолодая, может быть, сердечница — спрашиваю ее: а не отметить ли нам некоторым образом ее награждение? «Ну конечно же, конечно!» — обрадовалась она. «Тогда, может быть, я закажу по этому поводу бутылку какого-нибудь итальянского?» И вдруг слышу от нее: «Ах, Александр Трифонович, а может быть, водочки?» И с такой располагающей простотой это было сказано и с таким удовольствием! А у меня как раз оставалась в чемодане бутылка заветной, я тут же ринулся к себе, в свой номер».

— Она все отлично видела и понимала, — говорил Твардовский. — Казалось бы, премия итальянская, а она спокойна, без какого-либо самообольщения: «А ведь меня как поэта здесь никто не знает». А я это и по себе знаю: меня в Италии принимали всегда как редактора, а не как поэта, хотя переводили, и, надо сказать, ужасно, каким-то расхристаным стихом. Я сказал ей об этом, и она понимающе улыбнулась...

Не ошибусь, если скажу, что встреча с Ахматовой была самым большим впечатлением Твардовского, вынесенным из этой поездки в Италию. В Италии он бывал не раз, и, пожалуй, эта страна нравилась ему больше всех из западноевропейских. Приезжая оттуда, он обычно с воодушевлением говорил о многом, что там видел.

На этот раз больше всего он говорил об Ахматовой. И сразу же по приезде домой поинтересовался:

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ.

видел в тот день Александра Трифоновича. Твардовский был подавлен. Такое состояние у него обычно выражалось в какой-то особой сосредоточенности, тихом и отъединенном спокойствии, даже отрешенности, нелюдимости. В такие часы к нему лучше было не лезть с делами и вопросами. Но он сам спросил:

— А в третий номер мы успеем дать некролог? Мы же опаздываем, а надо дать в третий: в марте умерла, в мартовском номере должно и появиться».

Я не знал, что он сам решил писать этот некролог, и был немало удивлен, когда увидел на следующий день, что машинистка перепечатывает довольно большую статью об Ахматовой с листов, испещренных бегущим почерком Твардовского. Я знал, что Твардовский умеет работать быстро и быстро эта не сказывается на качестве работы. На этот раз он писал о свежем горе и, должно быть, не писал, а писалось... Хотел сказать последнее слово. Так появилась статья «Достоинство таланта». В ней Твардовский сказал многое из того, что мог бы сказать Анна Андреевна и при жизни. Впрочем, может быть, все эти торжественные слова трудно было сказать вслух, да еще поэтессе, с которой Твардовский так или иначе был мало знаком. Но, однако, поэзию ее он знал и давно выделял из многого не просто хорошего, но отличного. Не случайно статья кончалась уверенно и твердо:

«Для старой, изнуренной болезнью женщины Анны Андреевны Ахматовой «бег времени» закончен. Для ее чистой и внятной, живо откликающейся в людских сердцах поэзии — долгий путь вместе с «бегом времени»».